

ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ

С. Я. Косухин,
В. В. Малиновский

За последние годы резко возрос интерес к документальной литературе — мемуарам, документально-художественным произведениям. Популярность такого рода литературы связана с растущим интересом к истории. Широкие читательские массы хотят почерпнуть в подобных произведениях «из первых рук» либо личные впечатления участников исторических событий, либо документально достоверные свидетельства о тех или иных фактах или явлениях истории¹.

Особой популярностью, в первую очередь у молодежи, пользуются документально-художественные произведения на историко-революционные темы, воссоздающие историю революционного движения, нашей партии, биографии ее выдающихся деятелей. И ведущие книжные издательства стремятся удовлетворить растущий спрос на такие произведения. В этом можно убедиться даже при просмотре их тематических планов. Издательство «Детская литература» выпускает серии «Маленькая историческая библиотека», «Историко-революционная библиотека», «Солдатская слава». «Молодая гвардия» — «Жизнь замечательных людей», «Пионер — значит первый», «Честь, отвага, мужество», «Компас», «Когда им было двадцать». Хорошо известны серии Политиздата — «Пламенные революционеры», «Герои нашей Родины», а также издательства «Московский рабочий» — «Борцы за великое дело». Подобные серии имеют и многие местные издательства. Значительное число произведений документально-художественной литературы публикуется вне серий. Тиражи таких книг нередко достигают 100—200 тыс. экземпляров, и они выдерживают по несколько изданий.

Таким образом, художественно-документальная литература становится поистине народным чтением, охватывая практически все категории читателей. Принимая во внимание тематику историко-художественной прозы и масштабы ее распространения, трудно переоценить ее влияние на духовную жизнь народа. Книги эти (речь, разумеется, идет о лучших из них) увлекают героическими характерами и событиями, которыми так богата история нашей Родины. Глубокое раскрытие хода исторического процесса, четкие классовые оценки событий, яркий показ образцов служения великой идее делают такие произведения важным средством коммунистического воспитания. Не случайно поэтому все большее внимание к проблемам историко-революционной художественной литературы начинают проявлять историки и литературная критика. Об этом говорят и выступления в печати историков М. А. Алпатова — «Письмо историка писателю»², чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова —

¹ См., например, «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 103—104, 109.

² «Молодая гвардия», 1969, № 9.

«О научно-популярной литературе по истории»³, чл.-корр. АН СССР А. М. Самсонова — «За точность в освещении фактов истории»⁴, В. Т. Пашуто — «За творческое содружество историков и писателей»⁵, и дискуссии литераторов о правах и обязанностях документалиста⁶, о проблемах биографического жанра⁷, обсуждение Советом по критике и литературоведению при Правлении Союза писателей СССР состояния и задач исторической и историко-революционной прозы⁸.

Литературная критика, отмечая, что в советской исторической прозе выделилась историко-революционная тема, относит к жанру историко-революционного повествования и документально-художественные книги⁹. Это «и» важно заметить, ибо в историко-революционной прозе (как и в исторической вообще) существует как бы два рода произведений. С одной стороны, такие, авторы которых, стремясь правильно отразить основные исторические тенденции, процессы и явления, строят сюжет и выбирают героев, не связывая себя буквальным отображением реально существовавших людей либо не ставя их в центр повествования. К такого рода произведениям относятся, например, «Мать» М. Горького, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Белеет парус одинокий» В. Катаева. С другой стороны — историко-революционная художественная документалистика, ядро которой составляет Лениниана и у истоков которой стоят «Железный поток» А. Серафимовича и «Чапаев» Д. Фурманова. Это произведения с точным обозначением места и времени действия, в их основе лежат реальные события, в них действуют реально существовавшие люди; важным признаком многих из них является прямая или опосредованная документальность¹⁰.

Такое подразделение произведений историко-революционной (как и вообще исторической) прозы необходимо, как бы ни были условны границы между ними, ибо оно имеет методологическое значение. Для авторов книг обоего рода обязательно детальное, внимательное изучение исторического, документального материала, глубокое познание отображаемых процессов и явлений, точное воспроизведение включенных в повествование конкретных исторических реалий. Но способы реализации исторического материала в этих двух видах произведений различны. Автор, так сказать, «чисто художественного» произведения, в рамках верно понятой исторической ситуации, которую он описывает, точного отображения исторических событий, типизируя и обобщая в художественных образах вправе свободно «конструировать» те или иные сюжетные коллизии героев, не названных именами их прототипов. При оценке таких произведений на первый план выступают категории эстетические, в том числе соотношение художественного содержания произведения с тенденциями, процессами и важнейшими событиями описываемого периода. Авторы же документально-художественных произведений несут ответственность и перед законами художественного творчества и перед требованиями научного творчества; при оценке таких произведений в равной мере с эстетическими необходимы и критерии научно-исторического творчества. Писатель, выступающий в историко-революционной художественной документалистике, берет на себя задачу не только создать яркое, эстетически выразительное произведение, но и отразить описываемую им историческую реальность со скрупулезной точностью — до мельчайших

³ «Вопросы истории», 1972, № 6.

⁴ «История СССР», 1973, № 4.

⁵ «Вопросы истории», 1973, № 4.

⁶ «Вопросы литературы», 1971, № 6.

⁷ Там же, 1973, № 10; «Литературная газета», 1975, №№ 34—49.

⁸ «Вопросы литературы», 1974, № 1.

⁹ Там же, стр. 6, 13.

¹⁰ См. Д. К. Шелестов. Д. А. Фурманов и Истпарт. «Вопросы истории», 1973, № 6.

деталей событий и образов. Иной подход противоречит самой сути художественной документалистики и чреват серьезными ошибками. Для примера сошлемся на интересную, своеобразную по композиции документальную повесть «Январские ночи» Л. Овалова, в которой он описывает, как группа политработников во главе с Р. С. Землячкой идет по улицам обстреливаемого англичанами Котласа навстречу отступающим красноармейским частям, которые тратят последние силы, пытаясь удержать город¹¹. Между тем англо-американские интервенты, как известно, были остановлены осенью 1918 г. более чем в 200 км севернее Котласа, важнейшего в то время стратегического пункта на Севере. К этой ошибке автора привело недостаточно внимательное прочтение воспоминаний Р. С. Землячки¹² и, очевидно, нежелание глубже познакомиться с литературой о гражданской войне на Севере.

Не случайно в центре дискуссий о документально-художественной литературе находятся проблемы соотношения правды исторической и художественной, документальной основы исторического повествования и границ художественного вымысла. В ходе этих дискуссий высказываются подчас противоположные точки зрения. Большинство писателей и критиков считают историческую точность, документальную достоверность, необходимость обращаться к первоисточникам неизменными условиями работы писателя над историко-революционным произведением¹³. Однако некоторые литераторы все еще пытаются противопоставить «дух правды» «букве правды», «правду искусства» «правде жизни», доказывая, что даже в документальном произведении важно точно выразить лишь «дух» эпохи, не гонясь за «внешним правдоподобием», и т. п.¹⁴. Такая точка зрения — это неправомерная попытка применить к документально-художественным произведениям принципы построения «свободного» исторического повествования, не связанного в основных сюжетных коллизиях и персонажах с реальными прототипами.

К сожалению, в литературно-художественной критике пока не выработаны четкие критерии оценки документально-художественной литературы¹⁵. Немногочисленные выступления историков по вопросам художественной литературы на исторические темы, по сути дела, вообще не затрагивают документалистику. Все это, очевидно, и дает ряду литературных критиков известную возможность субъективно подходить как к оценке содержания отдельных документально-художественных произведений, так и к выдвиганию не всегда оправданных общих критериев этой оценки, а некоторым литераторам в их конкретной художественной практике освободиться от того, что они именуют «внешним правдоподобием». Не беря на себя смелость предлагать общие критерии подхода к документально-художественным произведениям, мы все же думаем, что авторы таких произведений имеют право домысливать обстоятельства событий, о которых известно только то, что они произошли (как бы реконструируя их на основе глубокого знания характера и взаимоотношений героев), или эпизоды, о которых ничего не известно, но которые могли бы произойти в силу обстоятельств, логики исторических собы-

¹¹ Лев Овалов. Январские ночи. Повесть о Розалии Землячке. М. 1972, стр. 232.

¹² «Москвичи на фронтах гражданской войны». Воспоминания. М. 1960, стр. 154—158.

¹³ «Вопросы литературы», 1974, № 1, стр. 9, 23, 27, 59, 63.

¹⁴ См., например, оценку чл.-корр. АН СССР А. М. Самсоновым выступления писателя Ю. Бондарева в «Литературной газете» («История СССР», 1973, № 4, стр. 197—198), а также высказывания писателей Н. Атарова и В. Ковалевского («Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 93—94, 131).

¹⁵ Даже в специальных работах литературоведов, посвященных типам исторических повествований, нет не только анализа жанра документально-художественной исторической прозы, но и упоминания о нем (см., например, Г. В. Макаровская. Типы исторических повествований. Саратов. 1972).

тий, логики жизни, деятельности и характера героев. Этим и должно ограничиваться право на домысел в указанных произведениях. При ином подходе открывается простор для неограниченного произвола в обращении с фактами истории, а следовательно, и для ее искажения.

Правда, которую несет документально-художественное произведение на революционно-исторические темы,— это правильное отражение важнейших закономерностей и явлений описываемого в нем времени и достоверное изображение каждого конкретного факта. Герои и события таких произведений приходят к читателю из подлинной жизни, а это ограничивает событийно-сюжетное развитие произведения строгими рамками конкретной исторической ситуации. Данное обстоятельство, однако, на наш взгляд, не обедняет арсенала изобразительных средств писателя. Более того, он получает на вооружение новые выразительные средства: документы, возможность публицистического или художественного их истолкования, воссоздания таким путем точного образа эпохи, конкретного события, героя. Достоверность изображения событий и людей, основанная на документальности, становится при этом важным средством завоевания читательского доверия.

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность документально-художественных произведений — их огромное познавательное значение. Если научно-историческая литература и периодика выходят сравнительно небольшими тиражами и рассчитаны прежде всего на специалистов, а учебники и учебные пособия по истории в силу необходимости дают лишь общие сведения, то для широких масс, в первую очередь для юношества, именно документально-художественные произведения становятся важным источником знаний по истории Родины, революционного движения, Коммунистической партии, зачастую своеобразными и первыми учебниками (характерно, что об этом говорят прежде всего литературоведы¹⁶). В этом смысле документально-художественная литература в известной степени выполняет функции научно-популярных изданий¹⁷, а значит, вполне правомерно к оценке исторической канвы таких произведений подходить с теми же требованиями, которые предъявляются к научно-популярной литературе. Поэтому выдвинутые в упомянутой выше статье Ю. А. Полякова положения и критерии целиком применимы при оценке содержания документально-художественных произведений на исторические темы, хотя они могут принадлежать к различным литературным жанрам, с различной мерой соотношения художественности и документальности.

Советская историко-революционная художественная документалистика имеет давние и прочные традиции. Лучшие ее произведения явились результатом многолетней работы их авторов, кропотливого сбора и анализа источников, глубокого изучения эпохи. Не удивительно, что они нередко обогащали историческую науку новыми фактами, уточняли оценки тех или иных событий. Довольно часто авторы таких произведений стремятся ввести читателей в свою творческую лабораторию, сделать их соучастниками научного поиска, тем самым пробуждая дополнительный интерес к исторической науке. Многие произведения такого рода вызывают глубокий отклик в душе читателя¹⁸.

¹⁶ См. высказывание В. Щербины («Вопросы литературы», 1974, № 1, стр. 75), статьи В. Канторовича («Острова», а не — «материки»...). «Вопросы литературы», 1971, № 4).

¹⁷ Это убедительно показал В. Канторович (указ. соч., стр. 86).

¹⁸ В. Долгий. Порог. М. 1974; П. Подляшук. Товарищ Инесса. Изд. 3-е. М. 1973; его же. Повесть о «красном докторе». М. 1967; его же. Иван Иванович. М. 1973; В. Шалагинов. Защита поручена Ульянову. Новосибирск. 1970; Александр Дунаевский. По следу Гая. Ереван. 1966; его же. И опять иду по следу... Новосибирск. 1970; Теодор Гладков, Михаил Смирнов. Менжинский. М. 1969; С. Зарницкий, А. Сергеев. Чичерин. М. 1966; И. Дубинский-Мухадзе. Камо. М. 1974; Л. Кунецкая, К. Маштакова. Крупская. М. 1973; Сим. Дрей-

Вместе с тем повышенный читательский спрос на документально-художественные произведения и в то же время выпадение их из поля зрения научно-исторической критики порождают тревожащие явления. Иные авторы снижают требовательность и к художественно-эстетической стороне своих произведений (уповая на то, что тема и материал сами по себе «вывезут») и, что беспокоит не менее, — к их исторической достоверности. Подчас такие авторы ограничиваются поверхностным, приблизительным знакомством с историческим и биографическим материалом, полученным к тому же порою из вторых и третьих рук (надеясь, очевидно, на то, что в этом случае может «вывезти» беллетризация). В печати уже неоднократно ставился вопрос о повышении требовательности к достоверности документально-художественных произведений на историко-революционные темы. Указывалось, в частности, на серьезные ошибки в книгах И. Кычакова «Невский лед»¹⁹, Ф. Бурлаки «Накануне»²⁰, В. Аксенова «Любовь к электричеству»²¹, в работах о семье Ульяновых²². Особенно тревожит то, что издательства порою не считаются с этим и вторично выпускают в свет те же книги с обнаруженными в них ошибками. К примеру, в 1974 г. вышло новое издание книги И. Кычакова²³, в котором сохранились все ранее отмеченные критикой недостатки. К сожалению, такие случаи не единичны.

Анализ ошибок и просчетов, содержащихся в документально-художественной литературе на историко-революционные темы, позволяет выявить ряд наиболее характерных недостатков, встречающихся в произведениях данного жанра. В этой связи рассмотрим ряд книг биографического характера, рассказывающих о видных деятелях нашей партии.

Вполне естественно желание литераторов сделать произведения на историко-революционные темы остросюжетными, насытить их драматическими коллизиями. Однако на практике это стремление нередко превращается в самоцель, книги начинают наполняться эпизодами, сюжетно не связанными с повествованием. В результате второстепенные события подчас выдвигаются на первый план, оттесняя основные. Появилась даже мода на некоторые сюжеты. Так, в печати уже отмечались серьезные просчеты И. Кычакова («Невский лед») при описании отношений между П. К. Запорожцем и М. Ветровой. Подробная история смерти и похорон Марии Ветровой, написанная в полумистическом-полунатуралистском духе, заняла 35 страниц и в повести В. Морозовой «Конкордия»²⁴. Конечно, трагическая гибель народоволки потрясла тогда учащуюся молодежь России, но ведь повесть эта не о народовольцах и не о Ветровой и само это событие не было решающей вехой в процессе формирования большевички К. Н. Самойловой, о которой пишет автор. В то же время в повести очень скупо говорится о деятельности К. Н. Самойловой в рабочих кружках, в «Правде», на агитпароходе. Искусственно вставлены в повесть яркие сами по себе эпизоды гибели П. П. Шмидта под Очаковым и Н. П. Шмита в Москве. Таким же вставным эпизодом является подробное описание убийства Карповичем царского министра народного просвещения Боголенова; описание это к тому же не сопровождается четкой марксистской оценкой тактики террора.

Иногда желание во что бы то ни стало украсить повествование занимательными эпизодами приводит В. Морозову к фактическим ошибкам. Так, чтобы ввести в текст совершенно не нужную для сюжета исто-

ден. Музыка — революции. Изд. 2-е. М. 1970; его же. В зрительном зале — Владимир Ильич. Т. 1. М. 1967; т. 2. Новые страницы. М. 1970.

¹⁹ «Правда», 8. VII.1970; «Известия», 11. VII.1970.

²⁰ «Вопросы истории КПСС», 1974, № 6, стр. 108—112.

²¹ «Вопросы литературы», 1973, № 10, стр. 51, 87.

²² «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 201—207.

²³ Иван Кычаков. Невский лед. М. 1974.

²⁴ Вера Морозова. Рассказы о Землячке. Клавдичка. Конкордия. М. 1970.

рию изготовления В. Д. Бонч-Бруевичем и Л. П. Радиным первого русского мимеографа, В. Морозова заставляет К. Н. Самойлову летом 1903 г. в Твери рассказывать об этом событии П. Ф. Куделли. «Куделли,— пишет автор,— посмеивалась, слушая подругу. Она хорошо знала Бонч-Бруевича, высланного в Тверь под надзор полиции»²⁵. Но ведь известно, что В. Д. Бонч-Бруевич в Тверь никогда не высылался, с 1896 по 1905 г. он находился за границей и появился в этом городе лишь в 1905 г. на короткое время. Ни П. Ф. Куделли, ни К. Н. Самойловой в Твери тогда уже не было²⁶.

Погоня за развлекательностью приводит подчас и к другим искажениям. Так, в очерке В. Долгого «Слово о Втором съезде» рассказывает, как в Женеве в 1903 г., накануне II съезда РСДРП, В. И. Ленин, проезжая на велосипеде, обогнал на улице двух незнакомых мужчин. Одеты они были по-европейски, но что-то неуловимое все же выдавало в них «россиян». Владимир Ильич «обратился к спутникам по-русски... Было забавно смотреть, как вытянулись в удивлении их лица»²⁷. По свидетельству участника этой встречи М. Н. Лядова, не В. И. Ленин, а Лядов первый обратился к нему с вопросом, назвав точный адрес его квартиры. Только после этого Владимир Ильич вступил с ним в разговор²⁸. А А. В. Шотман, который шел вместе с Лядовым, пишет, что В. И. Ленин остановился только потому, что знал их: «Увидя нас, соскочил с велосипеда и повел к себе на квартиру»²⁹. В очерке же В. И. Ленин, вступая в разговор на улице с незнакомыми людьми, оказывается в несвойственной ему роли нарушителя правил конспирации. Кстати, о том, насколько важно было строгое их соблюдение, читателю становится ясно, когда В. Долгий несколькими строчками ниже справедливо напоминает о причинах решения начать работу съезда в Бельгии: Женева была наводнена шпиками царской охранки. Подобную ситуацию мы находим и в повести В. Морозовой «Рассказы о Землячке», где В. И. Ленин в 1901 г. в Цюрихе вдруг заговорил на улице с незнакомой ему героиней повести и предложил ей свою помощь в поисках нужного отеля³⁰.

Другим распространенным способом повышения занимательности повествования стало включение в него эпизодов (иногда довольно обширных) о деятельности жандармов, шпионов и провокаторов. При этом часто речь идет отнюдь не о борьбе революционеров с охранкой; страницы книг заселяются трафаретными злодеями, во внутренней жизни которых с усердием копаются авторы. Так, в повести В. Морозовой «Конкордия» только истории падения Норкина, ставшего провокатором, отводится почти 20 страниц. В то же время в повести нет запоминающихся портретов питерских рабочих, в кружках которых работала К. Н. Самойлова. Рассказывая о событиях в Твери, автор так же подробно описывает провокаторов Шевцова и Волнухина, но даже не вспоминает о таких замечательных рабочих-революционерах, посещавших кружок К. Н. Самойловой, как А. П. Вагжанов, вожак местных текстильщиков, депутат II Государственной думы, герой гражданской войны, или И. И. Егоров, питерский рабочий, член Тверского комитета, вместе с Самойловой восстанавливавший местную партийную организацию после августовского провала 1903 года. Так же густо заселена провокаторами и жандармами документальная повесть А. Аренштейн³¹. Здесь интелли-

²⁵ Там же, стр. 422.

²⁶ «Очерки истории Калининской организации КПСС». М. 1971, стр. 36, 40, 52.

²⁷ В. Долгий. Слово о Втором съезде. «Рассказы о партии». Книга первая. М. 1973, стр. 37, 38.

²⁸ «Воспоминания о II съезде РСДРП». М. 1973, стр. 60.

²⁹ Там же, стр. 120.

³⁰ В. Морозова. Указ. соч., стр. 101—103.

³¹ А. Аренштейн. Ласточки грядущей весны. М. 1973.

гентный сыщик Зубатов и его невежественный помощник Медников, провокатор Серебрякова, филеры и шпики.

Для ряда произведений характерно стремление авторов приукрасить своих героев, хотя их подлинные дела ярче любого вымысла. Так, Б. Раевский в повести о И. В. Бабушкине³², очевидно, желая возвысить своего героя в глазах читателей, теряет порой чувство реальности. Вот как он описывает сцену чтения «Искры» рабочими в Орехово-Зуеве летом 1901 года. Бабушкин приходит на занятие кружка. Рабочие спрашивают его: «Искру» принес?», «А статья Ульянова есть?» Бабушкин читает им 4-й номер газеты, где напечатана заметка о больнице для рабочих, устроенной фабрикантом Морозовым. «Главное — все в точку описано! Будто Ильич специально из-за границы приехал нашу больницу смотреть!» — воскликнул один из ткачей. Бабушкин улыбнулся. «Эту заметку я писал»³³. Автор в данном случае достигает результата, обратного желаемому. Он принижает и Бабушкина, который оказывается нескромным (и к тому же деконспирирует себя); и рабочих — членов кружка, которые готовы приписать В. И. Ленину даже заметку о фабричной больнице; и самого Владимира Ильича — ведь именно этот номер «Искры» открывался его программной статьей «С чего начать?», которую Бабушкин, по воле Раевского, умудрился не заметить. Точно так же, не считаясь с фактами, автор заставляет Бабушкина в лондонской квартире В. И. Ленина узнать о рождении своей дочери и вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной обсуждать, какое имя дать ребенку³⁴. Но ведь о рождении дочери Бабушкин узнал еще до своей поездки в Лондон³⁵.

К чему приводит Б. Раевского желание во что бы то ни стало «приподнять» героя, показывает следующий пример: «Он (И. В. Бабушкин. — *Авт.*), наверное, лишь рассмеялся бы, если бы ему сказали, что этот успех написанный, неказистый листок, составленный им вместе с Николаем Петровичем, потом будет разыскиваться учеными-историками, храниться в музеях, перепечатываться в учебниках, потому что этот листок был первым, самым первым боевым листком в России»³⁶. Здесь налицо явное незнание элементарного факта: первая листовка «Союза борьбы», написанная В. И. Лениным совместно с И. В. Бабушкиным, не только не найдена, но, по-видимому, и не может быть найдена, ибо размножалась она от руки всего в нескольких экземплярах.

Приукрашивается личная жизнь героев документально-художественных произведений. В повести Б. Раевского «Товарищ Богдан» жена И. В. Бабушкина представлена молодой швейей, в повести И. Гуро «Озаренные»³⁷ — скромной девушкой-работницей. В действительности же Прасковья Рыбась бесстрашно променяла спокойную, обеспеченную жизнь на трудную судьбу подруги профессионального революционера. Надуманные сюжеты, героем которых выступает И. В. Бабушкин, с некоторыми вариациями кочуют из одного произведения в другое. Так, почти целиком совпадает описание допросов И. В. Бабушкина в повести Б. Раевского и в рассказе Н. Асанова. У Раевского допрос ведет начальник Владимирской тюрьмы: «Значит, господин Неизвестный? — спросил тот... — Имя, фамилию — забыл? Откуда родом — забыл? Где

³² Борис Раевский. Товарищ Богдан. Рассказы о Бабушкине. Л. 1975. Эта повесть в разных вариантах издавалась не менее 8 раз общим тиражом свыше 400 тыс. экземпляров.

³³ Там же, стр. 130—131.

³⁴ Там же, глава «Я — отец!».

³⁵ См. Г. Мишкевич. И. В. Бабушкин. Вологда. 1973, стр. 216; Е. Адамович. Из воспоминаний о партийной работе в Екатеринославе в 1901—1902 годах. «Летопись революции», 1923, № 2, стр. 56.

³⁶ Б. Раевский. Указ. соч., стр. 53.

³⁷ И. Гуро. Озаренные. М. 1963, стр. 54.

живешь — забыл? — Все забыл, — подтвердил Бабушкин»³⁸. У Асанова допрос происходит в Екатеринославской тюрьме. «Ну-с, господин Неизвестный, — с усмешкой начал полковник, — вы по-прежнему не желаете назвать свое настоящее имя, фамилию?»³⁹. Между тем в действительности еще в Покровской тюрьме, до перевода во Владимир (12 января 1902 г.) и Екатеринослав (2 апреля 1902 г.), И. В. Бабушкин 8 января подписал протест против каторжного режима заключения, а во Владимире ему было разрешено свидание с матерью⁴⁰. Если бы он захотел остаться «господином Неизвестным», то не стал бы подписывать своим именем и фамилией указанный протест и тем более не могло бы состояться его свидание с матерью.

Поражает не только схожесть ошибок, но и разнობой в описании одних и тех же событий. Так, у Б. Раевского Бабушкин в Екатеринославской тюрьме сидит с опустившимся студентом «с огромной лохматой шевелюрой и свалывшейся бородой», у Н. Асанова студент «черноусый, с черной курчавой бородкой, с интеллигентным лицом, красивый — такому и тюремная куртка к лицу»⁴¹. У Асанова к студенту в тюрьму на свидание приходит сестра Берта; у Раевского ее имя — Густа. В повести пилки для перепиливания решеток приносит «невеста», в рассказе — сестра. У Раевского Бабушкин перепиливает восемь прутьев, у Асанова — два. Между тем история побега Бабушкина и И. Горовица из тюрьмы запечатлена в воспоминаниях современников и специальном деле Екатеринославского губернского жандармского управления⁴².

В повести В. Морозовой «Рассказы о Землячке» приукрашен вставной эпизод о побеге П. А. Кропоткина из тюремного госпиталя⁴³. Автор живописует, как его герой бросился на часового у ворот и отшвырнул его. А Кропоткин в своих воспоминаниях⁴⁴ пишет, что ворота были открыты и часового возле них не было. В момент побега солдат стоял в 5—6 шагах позади Кропоткина, который кинулся к воротам, на ходу сбрасывая тюремный халат. Часовой гнался за беглецом по пятам, стремясь достать его штыком. Разве истинная ситуация менее драматична, чем придуманная автором?

Другой способ «улучшения» героев — замалчивание их ошибок и недостатков. Так, А. Аренштейн в своей повести при описании деятельности Московского комитета РСДРП явно преувеличивает роль А. Либрехта⁴⁵ и умалчивает об откровенных показаниях, которые он дал на следствии, в результате чего к дознанию оказались привлеченными лица, ранее неизвестные охранке.

Тот же автор ставит в заслугу Московскому комитету подготовку в конце 1900 г. к выпуску региональной газеты «Рабочее слово»⁴⁶, хотя известно, что в этот период В. И. Ленин решительно выступал против распыления сил на издание местных печатных органов, считая, что они

³⁸ Б. Раевский. Указ. соч., стр. 146.

³⁹ Н. Асанов. Много необыкновенных дней. «Москва», 1963, № 7, стр. 8.

⁴⁰ В. Демин. Революционная деятельность И. В. Бабушкина во Владимирской губ. «Ученые записки» Владимирского пединститута. Вып. 4. 1958, стр. 16—20; М. Б. Перельман. И. В. Бабушкин. «История СССР», 1970, № 2, стр. 81—83; Г. Мишкевич. Указ. соч., стр. 213—216, 222.

⁴¹ Б. Раевский. Указ. соч., стр. 149; Н. Асанов. Указ. соч., стр. 10.

⁴² В. Бушув. Бегство И. В. Бабушкина из Екатеринославской тюрьмы. «Летопись революции», 1924, № 1, стр. 186—188; Е. Адамович. Из воспоминаний о партийной работе в Екатеринославе в 1902—1904 годах. «Летопись революций», 1923, № 2; ЦГИА УССР, ф. 313, дд. 327, 387.

⁴³ В. Морозова. Указ. соч., стр. 54, 55.

⁴⁴ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М. 1966, стр. 336, 340, 341.

⁴⁵ Документы следствия по делу Московского комитета РСДРП и некролог в «Искре» свидетельствуют, что этот студент выполнял главным образом технические функции (Государственный исторический архив г. Москвы, ф. 131, 1902, тт. 1—3; «Искра», № 33, 1.II.1903).

⁴⁶ А. Аренштейн. Указ. соч., стр. 108—109, 128.

были бы слабы в теоретическом отношении и недееспособны в организационном⁴⁷. Он оказался прав и применительно к «Рабочему слову», которое так и не увидело свет.

Желая во что бы то стало связать своих героев с В. И. Лениным, А. Аренштейн не всегда основывается на знании материала. Так, рассказывая (кстати, без всякой надобности для сюжета повести) об известном выступлении В. И. Ленина против народника В. П. Воронцова на сходке в Москве в январе 1894 г., она искажает существо дискуссии В. И. Ленина с либеральными народниками, приписав при этом свои ошибки А. И. Елизаровой. «Ей давно было известно, что Владимир Ильич резко критикует народников, ожидавших революции от якобы социалистически настроенного крестьянства»⁴⁸. И далее, по автору, выходит, что «петербуржец» на сходке говорил о роли рабочего класса в будущей революции и о путях развития революционного движения в стране. Все это не соответствует истине, ибо, во-первых, либеральные народники вообще отказались от идеи крестьянской революции и дискуссия, о которой пишет А. Аренштейн, касалась вопроса о возможности развития капитализма в России⁴⁹, во-вторых, В. И. Ленин и по чисто конспиративным соображениям не мог открыто говорить о путях развития революции в России на столь широком собрании.

В документально-художественной литературе встречается немало просчетов в подаче деталей исторического фона, авторы не всегда считают с тем, что могло быть и чего не могло быть в описываемое ими время. Так, рассказывая об арестах, следствиях, полицейских репрессиях, они очень часто обнаруживают незнание предмета. В повести И. Кычакова «Невский лед», например, полицейский фотограф всерьез рассуждает о том, что тюремные фотографии арестованных разошлют по всему пути их следования в ссылку, во все жандармские управления⁵⁰. На самом деле сведения о ссыльных и их фотографии пересылались только непосредственно в место их ссылки. Б. Раевский не видит разницы между полицией и жандармами⁵¹. В повести В. Морозовой «Конкордия» К. Н. Самойлову «погнали этапом в Вологду», хотя в то время ссыльных отправляли туда в арестантском вагоне; камера дома предварительного заключения в 1901 г. у того же автора все еще освещается газовыми рожками⁵², хотя уже в 90-х годах XIX в. там было введено электрическое освещение. В книге Ю. Корша всерьез утверждается, что Николай II проявил особый интерес к делу С. П. Невзоровой-Шестерниной и лично занимался его разбором⁵³. Автор, видимо, не знает, что царский росчерк «Согласен» на докладах министра юстиции был обычным формальным актом при решении такого рода дел.

Порою в документально-художественных произведениях авторы завышают возраст некоторых действующих лиц. Так, у Б. Раевского С. И. Фунтиков — пожилой токарь, П. А. Морозов — тоже пожилой, «стар уже»⁵⁴. А ведь им в то время едва перевалило за 30 лет. У В. Морозовой в повести «Конкордия» рабочий С. С. Логинов, покушавшийся на директора тверской фабрики, тоже человек немолодой, хотя на самом деле это был парень призывного возраста⁵⁵.

В некоторых книгах герои по воле авторов оказываются не в ладах с правилами конспирации. В повести «Конкордия» В. Морозовой на

⁴⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 138—139.

⁴⁸ А. Аренштейн. Указ. соч., стр. 43.

⁴⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1. М. 1964, стр. 198.

⁵⁰ И. Кычаков. Указ. соч., стр. 108.

⁵¹ Б. Раевский. Указ. соч., стр. 69—70.

⁵² В. Морозова. Указ. соч., стр. 461, 396.

⁵³ Ю. Корш. Корреспонденты ленинской «Искры». Воронеж. 1970, стр. 36.

⁵⁴ Б. Раевский. Указ. соч., стр. 46, 105, 106.

⁵⁵ См. «Искровская организация в Твери. 1901—1903». Сборник документов. Калинин. 1957, стр. 86.

конспиративной квартире в Твери на стук К. Н. Самойловой дверь без всяких предосторожностей открывает не знавший ее и только что бежавший от жандармов А. И. Гусев⁵⁶. В повести А. Аренштейн А. И. Елизарова при первом же знакомстве с С. Н. Луначарской сообщает ей, что помогает В. И. Ленину «поддерживать его связи с группой «Освобождение труда», поэтому и за границу ездила...»⁵⁷. Этого не могло быть потому, что правила конспирации не разрешали при пароле первой степени доверия говорить о том, что не относится непосредственно к компетенции данного лица.

Иногда авторы теряют историческую перспективу, что также ведет к искажениям. Так, в повести В. Морозовой «Рассказы о Землячке» утверждается, что В. И. Ленин в Цюрихе в 1901 г. говорил Землячке прежде всего о необходимости созыва съезда партии, чтобы положить конец разобщенности местных партийных организаций. Но ведь В. И. Ленин был в то время как раз против немедленного созыва съезда. Главной задачей момента он считал тогда идейное сплочение российских социал-демократов вокруг «Искры». Кстати, Р. С. Землячка в своих воспоминаниях о подобном разговоре с В. И. Лениным не упоминает⁵⁸.

А. Аренштейн в своей повести пишет, что В. И. Ленин во время московской встречи с И. Х. Лалаянцем просил передать Бабушкину поручение перебраться из Екатеринослава в Смоленск⁵⁹. Но ведь встреча эта происходила во второй половине февраля 1900 г., а Бабушкин еще в конце января бежал из Екатеринослава⁶⁰, и Лалаянец как член Екатеринославского комитета РСДРП не мог не знать об этом.

Недостатки художественной документалистики, о которых шла выше речь, пожалуй, в наиболее концентрированном виде проявились в повести Л. Фоменко «Один из семи», рассказывающей о жизни и деятельности выдающегося рабочего революционера, ученика и соратника В. И. Ленина В. А. Шелгунова⁶¹. Вслед за журнальным ее вариантом («Звезда», 1966, № 4) она вышла двумя книжными изданиями (М. Изд-во «Советская Россия». 1968, и в сборнике Л. Фоменко «Высокий порог». М. Изд-во «Молодая гвардия». 1971). Оба издательства рекомендовали повесть как документальную в своей основе. Это подчеркивалось и в рецензиях на нее в литературных журналах, где говорилось о том, что автор «тщательно изучила архивы, встречалась со многими современниками Василия Андреевича и повторила его маршруты, то есть побывала там, где ее герой работал в подполье, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку»⁶², что в книге «почти каждая деталь проверена и выверена»⁶³. В действительности же из одного издания этой повести в другое переходили одни и те же ошибки и неточности в изображении ряда фактов биографии В. А. Шелгунова и важных событий из истории нашей партии.

⁵⁶ В. Морозова. Указ. соч., стр. 406—407.

⁵⁷ А. Аренштейн. Указ. соч., стр. 65.

⁵⁸ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 2. М. 1969, стр. 82.

⁵⁹ А. Аренштейн. Указ. соч., стр. 107. Эта же ошибка повторена в документальном очерке того же автора «Так разгоралась «Искра» («Рассказы о партии». Книга первая, стр. 16). В том же очерке Н. Э. Бауман и А. Н. Потресов отправляются вместо вятской ссылки в вологодскую (там же, стр. 14, 21).

⁶⁰ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1, стр. 244, 245; М. Б. Перельман. Указ. соч., стр. 81.

⁶¹ Замечания об этой повести после выхода ее первого книжного издания направлялись нами в литературно-художественные журналы, но они не сочли возможным опубликовать их. Редакция «Нового мира» в 1972 г. познакомила Л. Н. Фоменко с этими замечаниями, но она в переписке с нами пыталась отстаивать право авторов документальных повестей на смещение событий и произвольный домысел.

⁶² Л. Давыдов. «Волга», 1969, № 10, стр. 179.

⁶³ Дм. Молдавский. «Нева», 1969, № 6, стр. 178. Такова же оценка повести Е. Маром («Знамя», 1969, № 5), Б. Дубровиним («Новый мир», 1972, № 6), Б. Тимофеевым («Молодая гвардия», 1972, № 6), хотя последний и указал на некоторые ее погрешности в отношении исторических фактов.

Обратимся, например, к деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В повести произвольно сужена база, на которой возникла эта организация. Очевидно, потому только, что за Невской заставой развертывалась революционная деятельность В. А. Шелгунова, автор делает этот район столицы местом возникновения «Союза борьбы»⁶⁴. При этом не учитывается, что в действительности «Союз борьбы» был результатом объединения 20—30 рабочих кружков, действовавших в разных районах города⁶⁵. На целый год отодвинуто важнейшее событие в жизни «Союза борьбы» — переход от кружковой пропаганды к массовой агитации. В повести утверждается, что собрание на квартире А. А. Ванеева и М. А. Сильвина, посвященное обсуждению этой проблемы, происходило после возвращения В. И. Ленина из-за границы⁶⁶, то есть осенью 1895 года. Между тем достаточно авторитетные источники свидетельствуют о том, что оно состоялось зимой 1894/95 г.⁶⁷, а многотомная «История КПСС» называет и более точную дату — осень 1894 года⁶⁸. Если верить Л. Фоменко, на этом собрании присутствовали только «технологи» и Шелгунов. На самом деле в нем приняли участие члены Центральной группы по руководству рабочим движением и представители рабочих кружков⁶⁹. А это разница принципиальная, ибо В. И. Ленин считал необходимым посоветоваться по поводу перехода к новому этапу движения с широким кругом рабочих вожаков, а не решать этот вопрос «келейно», в «интеллигентской верхушке»⁷⁰. Против перехода к агитации в повести почему-то выступает горячий сторонник ленинской идеи П. К. Запорожец, а не Г. Б. Красин и С. И. Радченко, как было на самом деле⁷¹.

Ленинскую листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» Шелгунов по воле автора читает рабочим в сентябре 1895 г., на другой день после загородной массовки по случаю смерти Ф. Энгельса⁷². Между тем В. И. Ленин вернулся в Петербург из-за границы только 29 сентября (11 октября) 1895 г.⁷³, стачка на фабрике Торнтон происходила 6—7 ноября, а листовка была выпущена лишь после ее окончания⁷⁴. При этом в повести указанное собрание о переходе к агитации состоялось через некоторое время после появления данной листовки⁷⁵. Таким образом, нарушается логика событий, ибо выпуск листовок и был проявлением перехода к массовой агитации, курс на которую был взят «Союзом борьбы» осенью 1894 г.⁷⁶.

Судя по повести, осенью 1895 г. В. В. Старков стал первым за Невской заставой обладателем ленинской работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Передавая Шелгунову желтенькую тетрадку, Старков говорит: «Здесь, Василий, только первые две части. Старик читал нам следующую, самую важную...»⁷⁷. Но уже давно установлено, что все три выпуска этой ленинской работы вышли к осени 1894 года⁷⁸. Трудно поверить и в то, что В. В. Старков,

⁶⁴ Лидия Фоменко. Высокий порог. М. 1971, стр. 21. Все ссылки в дальнейшем делаются на это издание.

⁶⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 222.

⁶⁶ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 28.

⁶⁷ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1, стр. 96; «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 3, ч. 2. М. 1952, стр. 94.

⁶⁸ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 219.

⁶⁹ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1, стр. 96.

⁷⁰ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л. 1958, стр. 90.

⁷¹ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 219.

⁷² Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 27.

⁷³ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1, стр. 106.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 70—74.

⁷⁵ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 27—28.

⁷⁶ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 219.

⁷⁷ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 13.

⁷⁸ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1, стр. 89—92.

один из руководителей «Союза борьбы» и ближайших соратников В. И. Ленина в то время, получил ленинскую работу (да еще «первым за Невской заставой») лишь через год после выхода ее первого издания.

Видимо, чтобы подчеркнуть роль В. А. Шелгунова, а в связи с этим и значение района Невской заставы, где он работал, в повести рассказывается, что там, в знаменитых «кораблях», собирався не только шелгуновский кружок, но там сходились «Ульянов, Старков, Кржижановский, Ляховский и другие петербургские социал-демократы», что «встречаться чаще всего стали в «кораблях» или у Меркулова...». Здесь же дается описание этих «кораблей» — огромных бараков «с ярусными нарами», где не было никаких перегородок, кроме занавесок, где «вести подпольную работу... было особенно трудно — никакой изоляции»⁷⁹. Разве можно поверить в то, что В. И. Ленин — большой мастер конспирации — проводил в таких условиях занятия кружка, а тем более встречи руководителей «Союза борьбы»? Неверно утверждение, что В. А. Шелгунов встречался у В. И. Ленина в Петербурге с его сестрой М. И. Ульяновой⁸⁰, так как она приехала в столицу лишь в мае 1896 г., то есть уже после ареста В. И. Ленина и В. А. Шелгунова⁸¹.

Немало подобной путаницы и в других главах книги. Так, в повести говорится о том, что И. В. Бабушкин в 1900 г. встречался с В. И. Лениным в Пскове⁸². Историки же давно установили, что между 13 и 15 июля 1900 г. В. И. Ленин специально ездил для встречи с И. В. Бабушкиным в Смоленск, а не в Псков⁸³. Автор следующим образом описывает переживания Шелгунова в тюрьме в январе — марте 1903 г.: «Недавно прошел II съезд партии. Шелгунов узнал все подробности от Василия Васильевича Старкова. И так представил всех себе, будто сам был в Лондоне и видел Ильича в боях с меньшевиками»⁸⁴. Получается, что Шелгунов рассуждает о происходившем на съезде за полгода до его открытия!

Необоснованные утверждения встречаются в повести и при изложении биографии Шелгунова. Вот как описывается его далекий путь в Архангельскую губернию: «Кони упорно не хотели бежать. Старик возница немилосердно хлестал их, особенно правую, каурой масти...»⁸⁵. Это можно было бы счесть образным воспроизведением исторического факта, если бы не было известно, что Шелгунов ехал на север не со стариком возницей, а с товарищем по петербургскому «Союзу борьбы» В. Я. Антушевским в повозке, запряженной одной лошадей, купленной на их деньги⁸⁶. Далее в повести следует рассказ о том, как в шенкурском пересыльном пункте встретил Шелгунов своего старого товарища по борьбе К. М. Норинского⁸⁷ и как, «устроившись на лавках в самом дальнем углу, приятели проговорили до рассвета»⁸⁸. От Норинского узнал якобы Шелгунов и о ссылке В. И. Ленина в Минусинск. Кроме того, здесь же утверждается, что Норинский, утром отправлявшийся в Мезень, советовал Шелгунову проситься туда же. Но такой встречи

⁷⁹ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 19, 21, 30.

⁸⁰ Там же, стр. 79.

⁸¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. I. М. 1968, стр. 72.

⁸² Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 46, 61. Эта ошибка, к сожалению, кокет из одной книги в другую: см. Б. Раевский. Указ. соч., стр. 111, 115—118; Ю. Корш. Указ. соч., стр. 14.

⁸³ «Смоленская губерния в документах В. И. Ленина». М. 1967, стр. 29, 159—160; В. Н. Степанов. Ленин и русская организация «Искры». М. 1968, стр. 33; «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. I, стр. 259.

⁸⁴ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 82.

⁸⁵ Там же, стр. 32.

⁸⁶ Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. 1323, оп. 1, д. 774, л. 1.

⁸⁷ Константин Максимович Норинский в повести почему-то называется Константином Михайловичем (Л. Фоменко. Указ. соч. стр. 46, 52).

⁸⁸ Там же, стр. 33.

в Шенкурске не могло быть, потому что Шелгунов проехал этот город 20—22 марта 1897 г.⁸⁹, а Норинский попал в ссылку месяцем позднее и не в Мезень, Архангельской губернии, а в Сольвычегодск, Вологодской⁹⁰, так что через Шенкурск ехать никак не мог. Тем более незачем было Шелгунову от Норинского узнавать о ссылке В. И. Ленина в Сибирь, так как все члены петербургского «Союза борьбы», арестованные в декабре 1895 г., проходили по одному делу, тогда как Норинский был выслан из Екатеринослава по другому делу. Судя по повести, Шелгунов, поселившись на окраине Мезени, «с жесточением валил лес, пилил и рубил дрова, грузил на розвальни, возил их в складской сарай»⁹¹. В действительности жил он в 7 км от города, в поселке Каменка, на лесозаводе Ружниковых и работал там механиком⁹².

«1900 год,— пишет Л. Фоменко,— принес освобождение и Шелгунову. Становой пристав, привезший бумагу, которая прекращала ссылку, усердно поздравлял, бормоча что-то о начале века, о заре. Вышло ему решение — ехать на Украину, тоже под гласный надзор полиции... Оформиться, добыть транспорт, пройти все заставы и контрольные пункты было делом нелегким»⁹³. В действительности все происходило иначе. Ссылку Шелгунов заканчивал не в Мезени, а в Архангельске. Извещение об окончании ссылки он получил не от станowego пристава (в губернских и уездных городах таких чиновников вообще не было), а в городском полицейском управлении. Трудно также поверить в то, что становой — опора царской власти в деревне, стал бы лебезить перед только что отбывшим ссылку революционером и тем более поздравлять его с освобождением. Не могло быть и предписания «ехать на Украину». В извещении министерства внутренних дел перечислялись города и губернии, где запрещалось жить после окончания ссылки. Шелгунов выбрал Украину сам, потому что там работали товарищи по борьбе. Не приходилось ему преодолевать ни застав, ни контрольных пунктов, потому что таковых просто не было. Перепутаны автором гласный и негласный надзор полиции. Окончание административной ссылки и означало прекращение гласного надзора, после чего обычно революционер попадал под негласный надзор. Да и не в 1900 г., как сказано в повести, покинул Шелгунов Север. Освобожденный от гласного надзора полиции 29 января 1900 г., он прожил в Архангельской губернии еще почти 1,5 года и лишь в начале лета 1901 г. мог появиться в Екатеринославе⁹⁴.

Повесть содержит и другие фактические ошибки. Лишь недоумение могут вызвать вложенные в уста Шелгунова слова, обращенные к Норинскому: «А-а, слышал! «Южный рабочий»? Присылал ты мне в Мезень, спасибо, читал»⁹⁵. Ведь Шелгунов уехал из Мезени в Архангельск летом 1899 г. (кстати, вместе с Норинским), а первый номер «Южного рабочего» вышел в январе 1900 года. «Еще на Путиловском он (Шелгунов.— Авт.) сблизился с Николаем Полетаевым, Константином Норинским, Андреем Фишером»⁹⁶, утверждает автор. Между тем Норинский и Фишер на Путиловском заводе не работали. В повести фигурируют две даты приезда Шелгунова в Петроград с Кавказа — июль

⁸⁹ ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 774, л. 1.

⁹⁰ Там же, ф. 39, л. 811, л. 2; «От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.)». Ростов-на-Дону. 1921, стр. 31—38. Шелгунов и Норинский встретились в Мезени лишь спустя почти два года (ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 300, лл. 14, 27). В Мезени, по повести, Норинский получает письма от жены из Екатеринослава, хотя она жила в это время в Сольвычегодске (ГААО, ф. 39, оп. 1, д. 811, лл. 55—55 об.).

⁹¹ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 34, 39.

⁹² ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 773, л. 8.

⁹³ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 44.

⁹⁴ ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 118, л. 116; Е. А. Адамович. Указ. соч., стр. 49.

⁹⁵ Л. Фоменко. Указ. соч., стр. 46.

⁹⁶ Там же, стр. 12. А на стр. 33 повести говорится: «Еще работая на Балтийском заводе, подружились они с Костей» (Норинским.— Авт.).

1916 г. и февраль 1915 года⁹⁷. Утверждается, что В. А. Десницкий (Строев) начал «партийную работу в Нижнем Новгороде в конце восьмидесятых годов, будучи студентом»⁹⁸. Но ведь Десницкий родился в 1878 г. и в конце 80-х годов XIX в. ему было всего 10—11 лет.

Размышления над недостатками этих документально-художественных изданий приводят к выводу, что причины их кроются прежде всего в некомпетентности некоторых авторов, в их несерьезном подходе к изучению эпохи, биографий своих героев, событий, о которых они пишут. Такие авторы работают с ограниченным кругом источников, как правило, избегают архивов, черпая сведения главным образом из воспоминаний, а порой и просто из популярной литературы. Некритическое отношение к собранным таким путем материалам нередко приводит к воспроизведению встречающихся в них ошибок. Небрежность в обращении с фактами, произвольное смещение и искажение событий означают отступление от принципов историзма и подрывают доверие читателей к документально-художественной литературе.

Нет сомнения в том, что писатель, работающий в области художественной документалистики, должен быть и исследователем. Д. А. Фурманов писал о своих произведениях «Чапаев» и «Мятеж»: «Я не смотрел на эти книжки как на чисто художественные произведения (в прежнем толковании этого термина), как на повесть, рассказ, роман... Я писал исторические, научно проработанные вещи, дав их в художественной форме»⁹⁹. Таманцы, познакомившиеся с повестью А. С. Серафимовича «Железный поток», считали его участником похода¹⁰⁰. Есть немало примеров, показывающих, как настойчивая работа над изучением первоисточников и материалов позволяет многим авторам от издания к изданию улучшать свои документально-художественные произведения, делать их более достоверными и убедительными¹⁰¹.

Увеличивающийся поток документально-художественной литературы требует ее двойной компетентной оценки: со стороны литературно-художественной и научно-исторической критики. Пока же выявление достоинств и недостатков этих изданий, к сожалению, остается уделом лишь литературных критиков, которые зачастую некомпетентны в исторической первооснове рецензируемых ими книг и слишком доверчивы к издательским аннотациям и внешним приметам документальности иных произведений. Очевидно, следует также повысить ответственность издательств за выпуск историко-революционной документально-художественной литературы. В этом плане большую роль сыграло бы сотрудничество историков и литераторов не только при оценке уже изданных произведений, но и на более ранней стадии, когда историки могли бы дать компетентные консультации о степени достоверности подготавливаемых к публикации произведений. В связи с этим, может быть, целесообразно в книгах указывать не только их редакторов, но и научных консультантов и тех, кто предварительно рецензировал рукописи. Историко-революционная художественная документалистика — важное средство идейного воспитания. Тем выше должна быть ответственность авторов и издательств, которые берутся за публикацию таких произведений.

⁹⁷ Там же, стр. 164—166, 167.

⁹⁸ Там же, стр. 98.

⁹⁹ Дм. Фурманов. Собр. соч. Т. 4. М. 1961, стр. 476—477.

¹⁰⁰ Г. В. Макаровская. Указ. соч., стр. 38.

¹⁰¹ См., например: Г. И. Мишкевич. И. В. Бабушкин (изд. 1-е — 1963 г., изд. 2-е — 1973 г.); М. Д. Розанов. Обуховцы. Л. 1938; его же. Василий Андреевич Шелгунов. 1867—1939. Л. 1966.